

— Как грубо! — возмущенно воскликнула женщина из старых чиновников.

Старик забурчал себе под нос, а Юн Пал и Ким Хе Чжон вздохнули и посмотрели на меня. Ким Юн Сик и остальные старые чиновники не стали отвечать при виде детектива Канга и Дусика, свирепо стоявших у меня за спиной, лишь опустили глаза.

Я кашлянул и ткнул Старого в бок. Он ухмыльнулся, затем скорчился в кресле, как будто у него болела спина, и заохал, при этом избегая моего взгляда. Опять он притворяется старым и больным. Я еще раз ткнул его и стал осматриваться.

Атмосфера была очень напряженной еще до неожиданной реплики старика. Старые чиновники рта не раскрывали, новые тоже были очень смущены, поэтому все просто уставились на меня. Я тихонько кашлянул, чтобы нарушить ледяную тишину, и тогда Глава, который молча смотрел мне в лицо, сказал тихо.

— Дон Юн, ты проделал колоссальную работу, и я выражаю вам свою благодарность.

Глава никогда не забывал похвалить нас. Это был его способ показать неизменную благодарность, а также означало, что он не воспринимает нашу тяжелую работу, как должное. Он знал, как отплатить за наши услуги, и умел использовать людей в своих интересах. Мы смотрели друг на друга и молча улыбались. Улыбка лидера была одновременно ласковой и тоскливой.

— Теперь, когда Дон Юн здесь, давайте начнем.

Глава слегка вытянул шею и с еще более решительным видом подозвал Очкарика. Тот принес толстую пачку бумаг, а старые чиновники поморщились.

Бумаги предназначались не только Главе. Стопки из 10 страниц были аккуратно розданы каждому из участников собрания. Я одним из первых взял бумаги и стал внимательно изучать их содержимое.

К ним, как к резюме, были прикреплены фотографии людей, а под ними краткие биографические сведения. Я прочитал и понял, что все эти люди были "боевиками", погибшими в результате операции.

Я закрыл документ, а заодно и глаза. Люди на фотографиях улыбались, и мне было невыносимо смотреть на их лица. Старик, смотревший на бумаги, понял, что они означают, и тихо застонал.

— Я сам пойду к их родственникам и сообщу о смерти. Дам им слово, что мы найдем останки. Упокой их, Господи, — молился Глава за погибших.

Его лицо выражало неподдельную печаль, а в одиноких глазах плескались вина и раскаяние.

Это была одна из причин, по которой он не повышал голоса, даже когда сердился на Ким Юн Сика и старых чинушей. Минимальная вежливость по отношению к погибшим — это первое, что требовалось от нас.

И лица чиновников были бледны, когда они принимали документы. Из-за ошибки Ким Юн Сика погибли люди, а они заняты руганью, забыв о жертвах. Увидеть изуродованные лица погибших было бы для меня сейчас легче, чем цифры в статистике. Это похоже на упрек Главы, на первородный грех, который лег на их плечи.

— А всё этот мразота виноват! Использовал нас, как приманку!

Ким Юн Сик и так ходил по краю пропасти, а теперь имел наглость вскочить и швырнуть в меня свою кипу бумаг с этими словами. Мой отряд в долгу не остался и дружно поднялся со своих мест, а Глава нахмурился.

Листы бумаги падают на меня, как снег.

Смерть всегда рядом. Я это чувствовал, и наблюдал бесчисленное количество смертей. Как и снег, падающий на асфальт, человеческая жизнь так быстротечна. Это испытание, которому нас подверг мир, и неприглядная реальность человеческой смерти, которая стала обыденностью. Но это не значит, что цена этим жизням изменилась.

Я поднимаю голову и смотрю на Ким Юн Сика. Гнев закипает во мне. Юн Сик, сколько смертей ты видел? Ты хоть знаешь, что такое смерть? На моей памяти не было благородных смертей, но они никогда не были легкими, чтобы их оскорблять. Я крепко вцепился в кресло, руки дрожали. А потом поднялся с места.

Подонки, кусок говна, чудовище, хуже которого только твари. Я не мог открыть рот, потому что, как только это сделаю, концентрация ярости выльется наружу. Я медленно открыл рот и сказал, глядя на Ким Юн Сика, покрасневшего от злости.

— Выродок.

Обвинение, или даже хуже, чем обвинение, вырвалось из моих уст. Мне было что сказать. Но для него вся моя логика и аргументы были пустой тратой времени. Он и эти ублюдки должны были знать. Какие же они мерзкие.

— Ч-что... — недоуменно пролепетала чиновница, которой ранее не понравились слова Старого.

Она ни разу не взглянула мне в глаза, даже перед лицом откровенного сквернословия. Я хочу, чтобы все они посмотрели мне в глаза. Но они не могут, потому что им стыдно за себя и они знают, что они не правы.

— Юн Сик, неужели твоя жизнь стоит дороже, чем жизни девятнадцати человек?

Старый поднялся со своего места и встал рядом со мной. Язык у всегда него был острым. Ким Юн Сик и чиновники напряженно избегают наших взглядов, не в силах ответить. Почему вы не можете сказать этого вслух? Вы ведь так думаете. "Моя жизнь дороже, чем у девятнадцати человек".

— Это потери при исполнении служебных обязанностей! — воскликнула чиновница.

Один из новых кадров вскочил и рявкнул:

— Опять вы за своё! Здесь другое дело! Капитан убежал, бросив бойцов!

Женщина кричит в ответ.

— А что такого, ситуация опасная, если командир погибнет, что будет с солдатами?

Спор разгорелся с новой силой. Стороны были заняты криками, то тут, то там раздавались возгласы. Я закрыл глаза. Хотелось немедленно заткнуть уши, но негнувшиеся от напряжения пальцы не давали этого сделать. В этот момент стоявший рядом старик положил руку на мое плечо и тихо выдохнул, затем выхватил у своих ножен мой меч и метнул его.

Оружие пролетело по воздуху и вонзилось в стол, как раз с той стороны, где сидели старые чиновники. Это было похоже на предупреждение старика обеим сторонам, а может быть, на невежественную демонстрацию силы. В комнате снова воцарилась тишина, а кричавшая женщина побледнела и начала икать.

Старый не был склонен к необдуманным поступкам, и этот, должно быть, сделан для меня. Это была такая поддержка. Она, как попутный ветер, с которым я молча стоял перед Ким Юн Сиком.

— А ты сам готов умереть?

На бледном лице Юн Сика выступают капли пота, и он выдавливает:

— Чего?

— Ты готов к смерти?

Мы не просили такой жизни. Апокалипсис просто однажды свалился, как снег на голову, бросив людей на произвол судьбы. Они были вынуждены выживать, бороться за свою жизнь.

Ким Юн Сик этого не знает. Он сидит в безопасности за Воротами Эдема и упивается своей властью, закрывая глаза на несправедливость и игнорируя грядущие перемены. Он стремится жить в спокойствии, пока другие плывут в бурном течении.

Он не стесняется показывать презрение к другим. К тем, кто не вписывается в общество или по каким-то причинам терпит поражение. Лицемер, для которого люди — лишь статистика на бумаге. Я не хотел видеть этого идиота, который ведет себя, как ребенок.

Ким Юн Сик наконец ответил:

— Я-я не виноват, что...

Я протянул руку и схватил меч, воткнутый в стол. Другой рукой взял Ким Юн Сика за лохматый затылок. Я чувствовал запах пота и перегар от него.

Нет, ты должен раскаяться. Должен увидеть Ад своими глазами и попросить прощения у тех, кому ты позволил там оказаться.

Сердце билось, как бешеное, а время тянулось медленно. Как только я схватил меч, я поднял Юн Сика на ноги и толкнул к стене. Он прижался к стене, не в силах сопротивляться, и посмотрел на меня глазами, полными ужаса. Со всех сторон раздались крики.

— Дон Юн!

— Дон Юн!

Глава и Старый звали меня, ошеломленные моим внезапным поступком. Но я не собирался останавливаться, и меч в моей руке пронесся по воздуху, направляясь прямо в лоб Ким Юн Сику. Если бы я ударил с такой скоростью, то убил бы его мгновенно. Ким Юн Сик заверещал:

— С-спасите!!!

Перед лицом смерти всё его высокомерие, как рукой сняло. Но я изменил направление меча и воткнул его в стену рядом с ухом Юн Сика, да так, что лезвие задрожало. Он должен был ощутить позор.

Вместо его крови на пол льётся моча. Ким Юн Сик вздрагивает, с трудом держась на ногах, а когда я отпускаю его, он беспомощно падает на пол. Вокруг царила странная атмосфера паники, и только мои товарищи по команде бросились ко мне и стали обнимать. Но меня не оставляла эта атмосфера, и я выхватил из стены свой меч.

Со звоном лезвие упало на стол перед старыми чиновниками. Я носил его с тех пор, как

сбежал из университета, и он хорошо мне служил, поэтому я не стал его менять, но без колебаний бросил его в них. Это была память о моей борьбе и фрагмент воспоминаний о встрече с моими драгоценными товарищами.

А для чинушей это было последним предупреждением.

— С сегодняшнего дня мы освобождаем Ким Юн Сика от должности, а виновен он или нет, будут решать семьи погибших и жители Эдема на официальном суде перед всеми. Мы больше не будем слушать никаких аргументов, поэтому прошу всех разойтись. На этом дисциплинарное слушание закончено! — эхом пронёсся по залу голос Главы.

Никто из чиновников и не думал протестовать. Они все еще таращились на лежащий на столе меч, бледные, как мертвецы.

Дверь распахнулась, и в комнату ворвались охранники Главы. Все они были вооружены до зубов, как будто ждали этого момента, а снаружи уже слышались чьи-то крики. Охранники подняли Ким Юн Сика с пола и потащили из кабинета.

Когда его уводили, он смотрел на меня пустыми глазами. Не спуская с него глаз, я помахал ему в прощальном жесте, который как будто выражал вежливость. Сердце все еще трепещет в груди, и я долго вдыхал холодный воздух с ароматом цитрона.

Чиновники не притронулись к мечу.

А мне за мое необдуманное поведение дали отпуск.

<http://tl.rulate.ru/book/55848/4866207>